

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭЗИИ
«СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» В 11 КЛАССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

(Продолжение. Начало в № 1, 1994)

Е. В. Карсалова

(Ярославский педагогический университет)

Урок одного стихотворения. Под этим собирательным названием могут соединяться разные темы уроков: «Мое любимое стихотворение», «Закладка, выпавшая из томика стихов», «Хочу прочесть друзьям, любимому, любимой...», «Загадка одного стихотворения», — и разные виды работы в зависимости от индивидуальности ученика, которому дается право выбора не только поэта и стихотворения, но и способа читательской интерпретации: исполнение с обоснованием выбора, исполнение с защитой графического символа, музыкальной иллюстрации, интерпретация-анализ, читательский комментарий, эссе.

Интерпретация-анализ лирического стихотворения. Мы полагаем, что читательский анализ не только не противоречит интерпретации, но может быть одной из форм ее воплощения, особенно для учеников с логическим типом восприятия или для тех, кто собирается связать свою судьбу с филологией. Другое дело, что сам анализ должен проявлять индивидуальность читателя, вестись в тональности стихотворения. Читательский анализ-интерпретация в отличие от профессионального далек от всестороннего истолкования. Это скорее выяснение того, что особенно понравилось, поразило или осталось неясным — с попыткой в нем разобраться. Прекрасно выразила эту задачу М. И. Цветаева: «А что есть чтение — как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, пределом слов?» (Эссе «Поэт о критике»). Приведем возможный читательский анализ стихотворения И.Ф.Анненского «После концерта»:

В аллею черные спустились небеса,
Но сердцу в эту ночь не превозмочь усталость...
Погасшие огни, немые голоса, —
Неужто это все, что от мечты осталось?
О, как печален был одежд ее атлас,
И вырез жутко бел среди надплечий черных!
Как жалко было мне ее недвижных глаз
И снежной лайки рук, молитвенно-покорных!
А сколько было там развеяно души
Среди рассеянных, мятежных и бесслезных!
Что звуков пролито, взлелеянных в тиши,
Сиреневых, и ласковых, и звездных!
Так с нити порванной в волненьи иногда,
Средь месячных лучей и нежны и огнисты,
В росистую траву катятся аметисты
И гибнут без следа.

Поэзия душевного страдания — так можно выразить главное впечатление от книги И.Ф. Анненского «Кипарисовый ларец», которую автору не суждено было увидеть напечатанной. Страдание — от несовершенства мира и собственного несовершенства, от того, что душа, стремящаяся к счастью и красоте, не может найти гармонии с миром. Тончайший лирик, И.Ф. Анненский в своих стихах, как немногие, умел передать сложные чувства, неуловимые процессы, происходящие в человеческой душе. Таким исследованием того, «чему в этом мире // Ни названья, ни отзвука нет», является и стихотворение «После концерта».

Музыкальные темы, образы часто звучат в стихах И.Ф. Анненского, который называл музыку «самым непосредственным и самым чарующим уверением человека в возможности

для него счастья». В какой мере соответствует этой мысли тональность стихотворения? «В аллею черные спустились небеса...» Эпитет в первой строчке не только свидетельство наступившей ночи, но и знак душевного состояния — неудовлетворенности, сердечной усталости. Не зря из всех жизненных впечатлений сознанием отмечаются «погасшие огни, немые голоса» — оксюморон, смысл которого можно прочесть по-разному: не только тихие, невнятные, приглушённые, но и пустые, не вызывающие отклика в душе. Почему же только что закончившийся концерт оставил лишь смутные впечатления?

Вторая строфа — женский портрет той, к которой в течение нескольких часов концерта было приковано внимание, портрет исполнительницы, вероятно, певицы. Черный атлас платья, белизна плеч, белоснежные лайковые перчатки, но каждая деталь внешнего облика сопровождается эмоциональными эпитетами, передающими впечатление лирического героя: атлас одежд — «печален», вырез платья — «жутко бел», глаза — «недвижны», руки — «молитвенно-покорны». Сочувствие, сострадание, даже жалость к прекрасной женщине. Почему? Может быть, разочаровавшее исполнение, отсутствие таланта? О нет! От звуков прекрасного голоса, «сиреневых, и ласковых, и звездных», осталось ощущение большой работы, душевной сосредоточенности. Но обратим внимание на глаголы: сколько «развезано души», «звуков пролито» — без отклика в душах людей «рассеянных, мятежных и бесслезных!» Вспоминается строчка из другого стихотворения И. Анненского «Среди людей, которые не слышат».

В последней строфе — излюбленный прием поэта: использование вещи — символа.

Так с нити порванной в волненьи иногда,
Средь месячных лучей, и нежны и огнисты,
В росистую траву катятся аметисты
И гибнут без следа.

Почему в финале стихотворения появляются аметисты? Первая мысль — это любимый камень поэта, у которого в том же «Кипарисовом ларце» есть стихотворение с таким названием. Но, вчитавшись, понимаешь, что финал стихотворения связан с предшествующей строкой, вернее, с одним ее эпитетом. Аметисты — камни сиреневого, фиолетового цвета. А звуки прекрасного голоса тоже были неожиданно названы сиреневыми. Все эпитеты, использованные поэтом (ласковые, звездные, нежные, огнистые), можно с равным правом отнести и к прекрасному камню, и к звуку прекрасного голоса. И те и другие «гибнут без следа» без отзвука, без понимания, без сочувствия. Вещь (аметистовые бусы) становится в стихотворении символом, раскрывающим состояние человека, символом непонимания, людского равнодушия.

И невозможности счастья. Вернемся к первой строфе: «Неужто это все, что от мечты осталось?» Лирический герой противопоставлен толпе (стихотворение включено в цикл «Трилистник толпы»), равнодушно и холодно присутствующей на концерте. Он почувствовал в исполнительнице и красоту, и талант, и одухотворенность. И, вероятно, не без влияния музыки души коснулось что-то, что в стихотворении прямо не названо. Заметим, что слово «любовь» почти не встречается в произведениях Анненского, тогда как слово «мечта» используется очень часто. Но мечте — «обещанию счастья» — не дано осуществиться. Снова понять это помогает символ последних строк: «...И гибнут без следа».

Настроение стихотворения, неосуществимость счастья переданы средствами не только языка, но и стиха. Стихотворение о музыке и ритмом своим, замедленностью, неторопливостью создает ощущение музыкального движения, в которое вторгаются перебивы ритма, пиррихии, а главное «немузыкальные» ч-с-ж. Но особенно сильное впечатление производит последняя строка. Стих неожиданно и резко обрывается на середине (вместо шестистопного ямба в нем только три стопы), как резкий аккорд, обрывающий музыку, надежду, мечту.

Особой формой читательской интерпретации является эссе-сочинение небольшого объема со свободной композицией, не претендующее на полноту и всесторонность анализа, но выражающее индивидуальные впечатления, личностный подход к теме. Приведем сочинение-эссе одиннадцатиклассницы по поводу стихотворения А.А.Ахматовой «Царскосельская статуя».

«Три взгляда»

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты

Неспешно зреющей рябины...

Я впервые в городе Пушкине той самой осенней порой, которую так любил великий поэт. Завораживающая тишина, только листья шуршат под ногами. А когда остановишься, будто слышишь почти неуловимые шаги времени, почти двух веков, которые сделали это место известным всей России. Ведь именно здесь когда-то

Смуглый отрок бродил по аллеям.
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Жадным взором всматриваюсь в те места, которые видел он: Екатерининский дворец, здание Лицея, павильоны парка, Кагульский обелиск, Чесменская колонна, Мраморный мост... И вот та, о которой когда-то с восхищением писал Пушкин:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева над вечной струей вечно печальна сидит.

Медленно и плавно течет стих, как будто сливаясь с картиной осеннего дня, деревьями, окружающими статую. И кажутся ненужными пояснения экскурсовода о том, что эта статуя работы Соколова изображает Перетту из басни Лафонтена. Хочется раствориться в этом осеннем воздухе, в этой гармонии пушкинского стиха, воспевшего грустное очарование девушки с кувшином.

Красота, гармония, элегичность — это мое восприятие памятника. Но задолго до меня здесь шла другая женщина, также любовавшаяся статуей и упивавшаяся Пушкиным. Она, как и я, жадным взором ловила Красоту:

И ослепительна стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Мое восприятие статуи и в то же время не мое. Разве мне найти такие слова для описания своего впечатления, как «ослепительно стройна?» Разве мне написать так, чтобы передать и торжественность, и ощущение времени, и властную силу культуры? Но дальше в стихотворении появляются совсем новые для меня мысли:

Я чувствовала смутный страх перед этой девушкой воспетой.
Почему страх? Для меня здесь только красота.
Бесконечно повторяю последнюю строфу, вслушиваясь в каждое слово:
И как могла я ей простить
Восторг твой хвалы влюбленной...

Вот в чем дело! Та женщина заметила то, чего не почувствовала я в пушкинских строках: влюбленный взор поэта, который, как Пигмалион на Галатею, смотрел на героиню статуи. Но почему в этих строках такое странное чувство, почему здесь глагол «простить?» Так можно сказать в порыве негодования? зависти? Нет, все не то. Наконец, нашла: ревности, конечно, ревности! Женщина, влюбленная в Пушкина, не может простить его восхищенного взгляда, брошенного на другую, даже если та, другая

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Да, эта мысль открывает все в стихотворении: и интонацию финала, и прекрасные оксюморонг «весело грустить» и «нарядно обнаженной», как будто в ревнивом запале женщина хочет открыть любимому все несовершенство своей соперницы.

Такое восприятие пушкинского стихотворения мне не близко, по ведь у каждого свой взгляд на Красоту, на Искусство. Та женщина, которая ревновала Пушкина к статуе, любила его по-своему и, наверно, больше, чем я. И знала лучше. Ведь она, А.А. Ахматова, жила в этих местах, бесконечно впитывая каждое впечатление, освященное именем

Пушкина. И образ поэта, красота и гармония пушкинского стиха переплавились в ее творчестве, в том числе и впечатления от этой статуи.

«Урну с водой уронив...»

Таким образом, на завершающем этапе изучения «серебряного века» желательно использовать разнообразные задания и виды деятельности, которые дадут возможность ученикам реализовать свое видение, свое понимание лирических стихотворений, откроют им «свое стихотворение», «своего поэта». Свою Поэзию.